***

Взгляд, привыкший к большим пространствам,
натыкается на дома.
Как единый участок суши,
в доме сдвинуты два стола.
Не молитвы ли там читают?
Бога Богом не разменять.
Руки к звездочке привыкают,
опускают ее на гладь
поля. Снившийся нам безумным
поздно ночью уйдет в закат.
Звуки двинутся вслед за бубном.
Мои бесы - в ад.

***

Здравствуй. У меня нет
Ни бумаги, ни новых строк.
Я догадывался всегда,
что однажды меня оставят язык и слог,
И я рухну в почву, в гранит, в песок.
Грифы буду кружить надо мной,

стремясь отхватить кусок.
И мой Парфенон падет,
затрещав по швам,
Оставив после себя груду пыли и страха.
Гам -
это, в сущности, тело без сна.
Портретисты врут,
рисуя старух как смерть
и смерть - как старух.
А слова - средоточие речи,
ее диктат.
И ад -
это просто комната
с массивным черным неработающим телефоном
и стрелками циферблата, шагающими назад.

***

Вечера в апреле,
Когда теплее, чем осенью,
Хоть тона похожи.
Когда идешь, таращишься на прохожих,
На остатки деревьев в центральном парке,
Когда письмо в кармане с почтовой маркой,
На которой корабль или, лучше, чайка,
И в графе адресант отпечатано «не скучайте,
вернусь» и дата,
двадцатипятилетней давности…
Можно сесть на скамейку, можно
даже представить рядом тебя,
Жалующегося на погоду,
Потом вместе идти до дому,
Рассуждая о том, что сложно
Задержать дыханье
И уйти, наконец, под воду.

***

Я сегодня сделала почтовый ящик
Для одного письма.
Оно должно прийти откуда-то издалека,
Со множеством разных марок,
А еще там будет одна помарка,
Наверное, в названии улицы или городка,
Как будто бы оно сомневалось,
Что ему сюда, именно сюда
Надо.

***

Здесь всегда выбирали холод первоосновой,
Набивали им трубки,
Вселяли его в слово,
Отчего оно становилось хрупким, но било, словно
Линейка учителя пальцы ученика.

Если здесь умирали,
то не от старости – от мигрени.
В этом городе сквозняки –
оправдание щели.
От ночных разговоров мороз по коже,
И засыпается с мыслью, что что-то должен,
но кому – непонятно…
Окна зашторены наглухо, будто платья
Женщин, боящихся холода или взглядов.
Химия первоначально - лишь интересы к ядам.

К горлу (вошло в привычку)
подтягивается зевота,
на рассказы соседки:
про мужа и про работу,
про «разорившись на окна –
дуло семью ветрами…»
Крошечные полотна жизни
Кто-то назвал стихами.

***

А ты говорил, что когда-нибудь я напишу мемуары
О том, как ты шел по ступеням вниз.
Потом буду читать их, чуть переигрывая и картавя,
И когда какой-нибудь журналист
Расспрашивать будет о быте и о котах,
Оставшихся мне в наследство,
О тебе, о том, какое такое место
Ты сумел занять в иерархии снов и книг,
Битой посуды, «а вот еще новый стих»,
Сломанной дверцы шкафа, других людей…
Вот эти талдычат «выпей», эти «еще налей»,
На все вопросы я буду изворачиваться,
Лихо врать, что ты в большей степени вымысел,
И тетрадь - твой дом,
А не эта пятиэтажка
С ларьком на привязи за углом…

***

Окромеж этих дней кроме черта никто не сунется,
Да и тот лишь с листочком пустырника за щекой.
И в оконном стекле перевернутой видится улица,
В зеркале перед иконой кто-то чужой.
Ветки еловые возле лампадки прячутся,
Медь заливают масляно-черной смолой,
Цвет живой с них кто-то соскоблил начисто,
И их некому будет бросать за мной.
Колеса тележные собой заменили мельницы,
А еще мы на них гадали, когда умрем:
В ветер выйдем, и сколько кругов навертится,
Столько лет мы еще с грехом пополам проживем.